

УДК 811.531

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.34.99>

Первые корейские переселенцы на Дальнем Востоке и появление «искаженных» корейских имен: лингвистический анализ

Е. Н. Кондратьева

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва,
Российская Федерация*

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Анализируется так называемая традиционная (прецедентная) запись корейских имен и названий, расходящаяся с правилами принятой в России практической транскрипции. Известно, что первые контакты с корейскими переселенцами на российской территории произошли в 60-х гг. позапрошлого века. Основная масса переселенцев была носителями северо-восточного диалекта провинции Хамгён, а точнее – диалекта юкчин. Возникшая необходимость записи корейских имен в русской транскрипции стимулировала привлечение в качестве переводчиков прежде всего носителей корейского языка, проживающих на российской территории и являющихся исторически выходцами из северных провинций Кореи. Поскольку эти корейцы были носителями диалекта юкчин, именно особенности их диалектного произношения оказали доминирующее влияние на запись, в частности, корейских имен и географических названий, появившихся в российских документах и печати. Проведенное лингвистическое исследование обнаружило ряд диалектных закономерностей, реализованных в традиционной записи корейских имен. Многие черты диалекта юкчин уходят своими корнями еще в средневековый период, как, например, отсутствие палатализации дентальных согласных перед йотированными гласными, архаичная система вокализма, отсутствие монофтонгизации и т. д. Эти архаичные черты, сохранившиеся в диалекте, и получили в наше время именно такую реализацию в именах собственных.

Ключевые слова: русская практическая транскрипция, традиционная запись корейских имен, среднекорейский язык, диалекты корейского языка.

Для цитирования: Кондратьева Е. Н. Первые корейские переселенцы на Дальнем Востоке и появление «искаженных» корейских имен: лингвистический анализ // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 34. С. 99–105. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.34.99>

Много слов сказано о необходимости применения единообразной системы транскрипции и транслитерации при работе с корейским языковым материалом, а также об элементарных правилах, принятых для унификации записи корейских слов посредством русского языка, несоблюдение которых ощутимо снижает впечатление о читаемом тексте и наглядно демонстрирует некомпетентность пишущего.

Как известно, официально в России используются две системы записи корейских имен и названий: так называемая система А. А. Холодовича, появившаяся в 50-х гг. прошлого века, и русская практическая транскрипция Л. Р. Концевича (РПТ), разработанная на основе научной транскрипции, предложенной проф. А. А. Холодовичем. В научном сообществе и СМИ, следующих высоким профессиональным стандартам, принято использовать одну из этих двух систем, которые, впрочем, не сильно друг от друга отличаются. В своем упрощенном виде система Холодовича применяется преимущественно в корееведческих работах «питерской школы», а РПТ распространена в московских научных, учебных и энциклопедических изданиях, а также, что очень важно, в картографии. Однако наряду с этим нам известны примеры широкого употребления так называемых традиционных (прецедентных) написаний корейских имен собственных, которые не соответствуют правилам официальных систем. Речь идет не о неграмотных написаниях имен, которыми сейчас пестрят интернет и, что еще более грустно, печатные издания и даже переводы, а о некоторой устойчивой записи имен, повсеместно встречающейся в документах, прессе, исследованиях, научно-популярной литературе и пр. Классическими примерами такого «ошибочного» традиционного написания являются имена бывших глав КНДР: Ким Ир Сен (по РПТ Ким Ильсон) и Ким Чен Ир (по РПТ Ким Джониль), других крупных государственных и политических деятелей (Пак Ден Ай вместо Пак Чонэ, Цой Ен Ген вместо Чхве Ёнгон и др.), а также некоторые географические названия, к примеру названия столиц – Сеул и Пхеньян (вместо Соул, Пхёнъян). Приведенные традиционные написания получили изначальное распространение в средствах массовой информации, а затем перешли в этой же форме в научные труды и популярную литературу. Сейчас, однако, существует тенденция в научных изданиях указывать в скобках их правильную передачу согласно РПТ.

Известно, что ранний опыт записи корейских имен русские государственные службы на Дальнем Востоке получили во второй половине XIX в. Как следует из исторических документов и записок [1; 2], первые корейские поселенцы появились на российской территории уже в начале 60-х гг. позапрошлого века. Выходцы из северных провинций нанимались исключительно на сезонные работы и по окончании летних заработков возвращались обратно в Корею. Однако с 1863 г. на российский Дальний Восток стали прибывать уже семейные переселенцы на постоянное место жительства. В первое время они обустроивались на казенных землях Посьетского участка, пограничного с Кореей, затем, с увеличением потока переселенцев, перемещались вглубь края. Но регистрация прибывших корейцев началась только в 1891 г., тогда же и были составлены первые посемейные списки. В документах того времени [1] неоднократно упоминается, что российская сторона испытывала острую нехватку переводчиков, миссионеров, священников, служащих, знающих корейский язык. Соответственно, как мы можем наблюдать в документах того времени, имена переселенцев, упоминаемые в них, довольно сильно отличаются от привычных нам корейских имен и со-

держат разнообразные элементы, «приклеившиеся» к имени, например: Ди Ха Шени, Тен Кхи Хон, Тан Шен Шюги, Па Ян Хуй, Ким Ди Кони, Па Кун Хени, Канг Шин Куани, Ким Уан Чуни, Те Ненг Ше, Ким Бун Чен, Ким Шен Сиди, Син Е Кей, Бун Хун Ноги, Юн Хен Ени, Шин Ча Юни, Ким Ма Ноги, Пак Шин По, Ти Пил Лен, Ко Тин Куани, Ким Чан Самы, Ким Чан Доги, Тен Ман Ын и др. [1, с. 101].

Почему приведенные имена и названия были записаны именно так: случайность это, закономерность или искажение, обусловленное ошибочным восприятием, – мы постараемся разобраться в настоящей статье.

Причин появления подобных «искажений» было несколько. Во-первых, общепринятой системы для передачи корейских реалий и имен посредством русского алфавита разработано еще не было, поэтому все имена на первом этапе знакомства с корейской действительностью записывались на слух. Закономерный вопрос, который возникает, если мы примем во внимание этот факт «фонетической записи», почему корейские имена произносились таким необычным образом, будет рассмотрен ниже в лингвистической части статьи.

После японской оккупации и Второй мировой войны взаимоотношения России и Кореи вышли на новый виток развития. С этого времени цели и задачи, стоявшие перед специалистами, связанными с Кореей, стали совершенно иные, чем во время первых контактов. Соответственно, и информация о корейских государствах и самих корейцах из сугубо рабочих или дипломатических документов начала проникать в прессу и становиться общедоступной. Именно в этот период и появляются те записи корейских имен, которые сейчас мы называем традиционными, или «искаженными» с позиций РПТ. Эта так называемая «мидовская» запись распространилась в средствах массовой информации после 1945 г. и стала определяющей на этом этапе.

Во-вторых, до начала 60-х гг. прошлого века в СССР не было достаточного количества профессионалов, знающих корейский язык, поэтому многие работавшие в Корее журналисты, дипломаты и другие специалисты записывали корейские имена так же, как и на первом этапе знакомства с переселенцами, – на слух. В таком виде они и проникали в печатные издания и литературу.

В-третьих, профессиональных переводчиков было немного, поэтому часто обращались к помощи советских корейцев, живших в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Все они (не включая живших на Сахалине) являлись потомками выходцев из северных районов Корейского полуострова, в связи с чем и язык, на котором они говорили, представлял собой не стандартизированный литературный язык, а один из северных говоров. Как известно из архивных документов и письменных свидетельств, первые корейские переселенцы на российский Дальний Восток, которые в 1937 г. были репатриированы в Среднюю Азию, были носителями диалекта *юкчин*, одного из говоров провинции Хамгён. Этот диалект более ста лет существовал в изоляции, что позволило ему сохранить много архаичных и своих специфических черт. Со временем диалект *юкчин* развился в *корё мар* – язык, общий для всей корейской диаспоры.

Эти три причины – отсутствие утвержденной системы, профессиональных корееведов и привлечение для перевода советских корейцев – носителей северных диалектов – привели к тому, что в нашем обществе, на страницах газет, в научных работах корейские имена и названия были записаны в своем диалектном произношении.

Ниже мы рассмотрим примеры самых известных прецедентных записей, которые закрепились у нас как традиционные и поныне используются повсеместно именно в таком, «искаженном» с научной точки зрения варианте, и попытаемся объяснить их особенности. Для анализа конкретных примеров мы обратимся к истории формирования диалекта *юкчин*, описанию фонетических особенностей северных диалектов, а также их среднекорейским параллелям.

Исторически область Юкчин, давшая название диалекту, была сформирована в первой половине XV в. (1418–1450 г.), когда началось строительство шести военных крепостей для укрепления северных границ государства. Это поселения Кёнвон (1398), Хверён (1433), Чонсон (1451), Онсон (1439), Кёнхын (1434), Кёнсон (1436 г., а в 1448 г. его объединили с Пурёном). В связи с этим проектом по указу государя Седжона из центральных, южных и юго-восточных провинций на северо-восток было переселено порядка 1100 семей, а именно 600 человек для формирования регулярного войска из Хынвона и 1500 человек из провинций Канвондо и Кёнсандо. Также северные гарнизоны были пополнены воинами королевской армии, что еще более разнообразило языковую картину этого региона. Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что субстратом для диалекта *юкчин* послужили северные говоры, а в качестве суперстрата выступили говоры южных и центральных провинций Кореи. Более подробно об истории диалекта, письменных источников на нем, о его особенностях см. труды Н. С. Пак и Р. Кинга [3–5].

Также важным фактом является то, что диалект *юкчин* в течение довольно длительного времени развивался в изоляции от других говоров, что позволило ему сохранить многие архаичные черты среднекорейского языка.

В первую очередь хотелось бы отметить одно уникальное явление, перешедшее в диалект *юкчин* из среднекорейского языка, – сохранение палатализованного [nʰ] (в графике ㄴ или ㄹ) в начале слова в позиции перед гласным [i] или j-образным дифтонгом в лексике сино-корейского происхождения. Как мы знаем, современный корейский язык (сеульский диалект) не допускает в начале слова палатализованных [nʰ] или [lʰ]. В случае с начальным ㄹ он также произносится как [nʰ]. Отсюда необычная для стандартного корейского языка форма записи широко распространенной фамилии Ни (в средневековой записи ㄹ, по нормам современной южнокорейской орфографии ㄹ).

Следующей архаичной чертой в системе согласных диалекта *юкчин* является отсутствие палатализации дентальных [t], [tʰ] и [tt]. Большинство ко-

рейских диалектов, включая сеульский говор, прошли процесс палатализации на рубеже XVII–XVIII вв., исключая диалекты провинций Пхённан и Юкчин. Отсюда сохранение непалатализованных согласных перед йотированными гласными, которые являются отличительной чертой северных диалектов. Это явление в совокупности с особым чтением гласной ㅓ как [e], сохранившимся в диалекте со среднекорейского периода, мы можем наблюдать в таких корейских фамилиях, как Ден (РПТ Чон, в современной южнокорейской орфографии 정), Дон, Дюгай, Тен, Тян, Тё и др. Это же архаическое чтение гласной сохраняется в географических названиях столиц – Сеул и Пхеньян вместо ожидаемого Соуль и Пхёнъян (в графике 서울 и 평양).

Еще одна уникальная черта диалекта *юкчин* реализовалась в одном из самых известных корейских имен – Ким Ир Сен (в корейской графике 김일성). Второй Ир сохранил [r] в конце, не изменив его на ожидаемый [l], согласно одной из особенностей *корё мар* согласный *l* во всех позициях, кроме двойного *ll*, произносится как многоударное [r]. И последний слог записывается именно как Сен, а не Сон согласно уже упомянутому более архаическому произношению гласной. По правилам РПТ это имя должно быть записано как Ким Ильсон.

Интересно, что это не все существовавшие варианты записи имени корейского руководителя. В документе военных лет Ким Ир Сен значится как Цзин Жи-чен. Так как он служил в РККА в 88-й бригаде, в которой было много китайцев, переводчик, увидев иероглифическую запись имени 金日成, записал имя по правилам транскрипции китайского языка. Следует отметить, что традиционно китайские имена в русской транскрипции писались через дефис, но согласно принятой сейчас у китаистов системе он был бы Цзинь Жичэн. Очевидно, из документации 25-й армии, которая отвечала за Северную Корею, имя Ким Ир Сен и пошло в прессу, а потом – в справочники и другую литературу.

По этой же аналогии становятся понятными записи имен следующих за Ким Ир Сенем северокорейских лидеров – Ким Чен Ира, Ким Чен Ына и др.

Также заслуживает внимания следующий факт: эта диалектная запись оказала большое влияние на весь бывший соцлагерь, в результате чего Ким Ир Сен в польских и чешских документах записан как Kim Ir Sen, а Чхве Ёнгон (вице-маршал, один из ближайших друзей Кима), который в мидовских документах значился как Цой Ен Ген, в документах ГДР фигурирует как Zoi En Gen.

Другой фамилией, заслуживающей отдельного анализа, является фамилия Цой. Всем специалистам хорошо известно, что согласно РПТ она должна записываться как Чхве (최). Попробуем объяснить, почему в русской традиции она изменилась на Цой. Напомним, что согласным ㅈ, ㅉ, ㅊ в северо-восточном диалекте часто соответствует ряд [c], [c^h], [cc] (см., например, материалы в словаре М. П. Пуцилло [2]). Далее дифтонг в

диалекте *юкчин* и некоторых других говорах северо-восточного диалекта провинции Хамгён сохранил свое архаичное среднекорейское произношение как [oj]. Отсюда и такая форма записи – Цой вместо ожидаемого Чхве. Отсутствие монофтонгизации в диалекте *юкчин* демонстрируют нам и другие фамилии, распространенные среди советских корейцев, – Цай, Цхай и др.

И еще несколько слов хотелось бы сказать о таком довольно распространенном элементе фамилий советских корейцев, как *-гай*, например, в фамилиях Югай, Огай, Тягай и т. д. Есть несколько версий происхождения этого элемента, мы склоняемся к тому, что это иероглифический аффикс

가 哥, употреблявшийся после фамилий еще в среднекорейских текстах и указывающий на носителя фамилии. Последний полугласный [j] в элементе *-гай* – это, по всей видимости, показатель именительного падежа *-i*, который употреблялся и после закрытых (как в современном корейском), и после открытых корней (как в средневековом языке). В падежной системе диалекта *юкчин* современный показатель номинатива *-ka* отсутствует.

Таким образом, как свидетельствуют исторические документы, первые контакты с корейскими переселенцами на российской территории произошли в 60-х гг. позапрошлого века. Основная масса переселенцев была носителями северо-восточного диалекта провинции Хамгён, а точнее – диалекта области Юкчин (шести крепостей). На основе этого диалекта развился язык корейской диаспоры в России, так называемый *корё мар*.

Возникшая необходимость записи корейских имен в русской транскрипции стимулировала привлечение в качестве переводчиков прежде всего носителей корейского языка, проживающих на российской территории и являющихся исторически выходцами из северных провинций Кореи. Поскольку эти корейцы были носителями диалекта *юкчин*, именно особенности их диалектного произношения оказали доминирующее влияние на запись корейских имен и географических названий, появившихся в российских документах и прессе.

Как мы видим, существующие прецедентные записи корейских имен не являются результатом ошибок или намеренных искажений, они существуют в своей стройной системе диалектной записи, системе, которая на тот исторический момент была единственно возможной для применения.

Список литературы

1. Корейцы на Российском Дальнем Востоке (1917–1923). Документы и материалы. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 320 с.
2. Опыт русско-корейского словаря / сост. М. П. Пуцилло. Репр. воспр. текста изд. 1874. М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. 760 с.
3. Пак Н. С. Прародина диалекта юкчин корейского языка и первые сведения о нем // Российское корееведение : альманах. М., 2004. Вып. 4. С. 275–292.
4. King J. R. P. An introduction to Soviet Korean // Language Research. 1987. N 23. P. 233–277.

5. King J. R. P. Archaisms and innovations in Soviet Korean dialects // *Language Research*. 1992. N 28. P. 201–223.

The First Korean Migrants in the Far East and Inaccurate Korean Names: a Linguistic Analysis

E. N. Kondratyeva

*Institute of Asian and African Studies, Moscow State University, Moscow, Russian Federation
National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation*

Abstract. In this article the so-called “traditional” Russian transliteration of names of the first Korean migrants in Russian Far East is explained. The linguistic analysis revealed some patterns dating back to the Middle Korean language which were preserved in some dialects and implemented in the Russian spellings of Korean names.

Keywords: Russian practical transcription, traditional spelling of Korean names, Middle Korean, Korean dialects.

For citation: Kondratyeva E.N. The First Korean Migrants in the Far East and Inaccurate Korean Names: a Linguistic Analysis. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2020, vol. 34, pp. 99-105. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.34.99> (in Russian)

References

1. *Korejcy na Rossijskom Dalnem Vostoke* [Koreans in Russian Far East (1917-1923). Documents and Materials]. Vladivostok, FENU Press, 2004. 320 p. (in Russian)
2. *Opyt russko-korejskogo slovarja* [Russian-Korean dictionary]. Reprint of 1874. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-History Publ., 2014, 760 p. (in Russian)
3. Pak N. Prarodina dialekta yukchin korejskogo jazyka i pervye svedenija o nem [The Origin of the Korean dialect Yukchin and first information about it]. *Proceedings of the Russian Association of Korean studies*, 2004, no. 4, pp. 275-292. (in Russian)
4. King J.R.P. An introduction to Soviet Korean. *Language Research*, 1987, no. 23, pp. 233-277.
5. King J.R.P. Archaisms and innovations in Soviet Korean dialects. *Language Research*, 1992, no. 28, pp. 201-223.

Кондратьева Елена Николаевна

*кандидат филологических наук, доцент,
кафедра филологии стран ЮВА, Кореи и
Монголии, Институт стран Азии и Африки
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 125009,
г. Москва, ул. Моховая 11, стр. 1
доцент, кафедра Дальнего Востока
и Юго-Восточной Азии
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, 105066,
г. Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 1
e-mail: kondratelena@yahoo.com*

Kondratyeva Elena Nikolaevna

*Candidate of Sciences (Philology),
Associate Professor, Institute of Asian
and African Studies
Moscow State University
11, b.1, Mokhovaya st., Moscow, 125009,
Russian Federation
Associate Professor, Department of
Far East and South-East Asia
National Research University
“Higher School of Economics”
21/4, b.1, Staraya Basmannaya st., Moscow,
105066, Russian Federation
e-mail: kondratelena@yahoo.com*

Дата поступления: 31.05.2020

Received: May, 31, 2020